

1
Государственная
библиотека
имени
В. И. ЛЕНИНА

МУРЗИЛКА

№ 9 Журнал ЦК ВЛКСМ СЕНТЯБРЬ
для школьников младших классов 1951

XV 63
II

1 сентября в Москве.

XX 63
II

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

П-52-722

С. МАРШАК

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

Сад шестнадцати республик

Посвящается юным мичуринцам
1-й средней школы г. Петрозаводска

Цветы со всей земли родной
Живут в карельской школе:
Зимой — за рамою двойной,
Весной — на вольной воле.

Какой цветок
И где он рос,
Прочтёте на записке.
Вот — белорус,
Великорос.
Вот это куст
Грузинских роз,
А вот — тюльпан киргизский.

Весною каждый пионер
Копал усердно грядки,
Сажая сад СССР
На солнечной площадке.

Цветы со склонов дальних гор,
Цветы родного поля

В один узор, в один ковёр
Сплелись в саду при школе.

Взрастили сад — шестнадцать гряд —
Ребята всей дружиной:
Армению —
Один отряд,
Туркмению —
Другой отряд,
А третий — Украину.

Бывает поздняя весна
Здесь, на земле Карельской,
А в этот год пришла она
Ещё порой апрельской.

Пришла нежданная весна,
Но для неё рассада
Уже была припасена
У каждого отряда.

На школьных окнах из земли
Давно пробились дружно
Те незнакомцы, что росли
В тепле долины южной.

Карельским детям вся страна
Свои цветы прислала.
Идут по почте семена
С Алтая и Урала,
Из крымских розовых аллей,
С кубанских бронзовых полей,
Шумящих на просторе...
Но всех дороже и милей
Одна посылочка. На ней —
Почтовый штемпель: Гори.

Прохладу гор
И южный зной
Хранят цветы Кавказа.

Их собирал
Над крутизной
Гориец черноглазый.

Прислал далёкий Казахстан
Для пионерской школы
Свой жёлто-золотой шафран,
Эстония — виолы.

Пришли в подарок цветнику
Пакетик и коробка:
Шлют из Ташкента и Баку
Четыре сорта хлопка.

Стране лесов, стране озер —
Карелии зелёной —
Цветы от всех её сестёр
Приносят почтальоны.

Цветёт и зеленеет сад,
И северные пчёлы
Над грядкой Грузии жужжат
В саду карельской школы.

А. ШМАНКЕВИЧ

Рис. В. ЩЕГЛОВА

ПИСЬМО

Таня не шла, а бежала в школу. Она так торопилась, что оказалась первой на школьном дворе. Но недолго она оставалась одна, другим девочкам тоже не терпелось поскорее увидеть подружек, и скоро двор заполнился шумным народом.

— Какая же ты чёрная, Таня! — закричала Галя Сидоренко, подбегая к ней. — Ты, может быть, в Африке жила?

— У бабушки я была. На Кубани...

— Ишь ты!.. Наверно, только одними яблоками да грушами там кормилась? А нам, небось, не привезла?

— Привезла, — сказала Таня. — Выбирай, какое на тебя смотрит...

— Они все на меня смотрят, — засмеялась Галя. — Ты лучше не мучай меня и сама выбери.

Танин портфельчик очень быстро «похудел». В нём осталось всего-навсего одно яблоко, самое маленькое.

— Это тебе самой пусть останется, — великодушно сказали подружки.

В первые минуты встречи трудно было рассказать что-нибудь, потому что говорить хотелось всем, а слушать не желал никто.

Пока подружки ели яблоки и не могли ничего говорить, Таня успела рассказать,

какая большая бабушкина станица, на какой быстрой горной речке она стоит, какой у бабушки сад... Всё остальное ей пришлось рассказывать Клаве, своей лучшей подруге. Они два года просидели за одной партой и собирались сидеть вместе и третий.

— Ой! А тебе-то яблоко! Как же это я про тебя забыла?!

— Не надо, — решительно сказала Клава. — Последнее не берут.

— Ладно, — сказала Таня. — После уроков пойдём к нам. Мы целый ящик яблок привезли. И винограда привезли из бабушкиной станицы. Там у них такой в колхозе виноградник!.. А знаешь, когда ещё не было колхозов, никто про виноград и не думал. Считали, что он не будет у них расти. А теперь и виноград, и рис, и хлопок разводят... А у бабушки есть корова; она её Мычкой зовёт. Я такой умной коровы в жизни не видала...

Таню прервала староста класса:

— Идёмте, девочки... Нам же подготовиться надо встретить Надежду Сергеевну. Надо, чтобы торжественно получилось...

И только тут вспомнила Таня, что перед самыми каникулами сговорились они приготовить за лето подарки своей учительни-

це. В этом году, в первый школьный день, ей исполнилось пятьдесят лет и тридцать лет с тех пор, как она стала учительницей.

— Клава.. Как же это я забыла? — прошептала Таня.

— Забыла дома подарок? Так ты ещё успеешь.

— Нет... Я про уговор наш забыла... Что же мне теперь делать?

— А вот что, — сказала Клава. — Я вышила Надежде Сергеевне дорожку... Ну, это будет от нас обеих подарок.

— Да ведь это ты вышила... А я-то здесь при чём?

— А я по твоему рисунку вышивала...

— Всё равно нет... Ты могла перевести такой рисунок. Ещё лучше нашла бы... Не буду я обманывать Надежду Сергеевну. Я её обрадовать хотела. Ведь я всё лето занималась с бабушкой.

О том, что Таня пришла без подарка, первой догадалась Галя. Она передёрнула плечами и сказала громко, на весь класс:

— Не стыдно тебе, Орехова? Все почему-то пришли с подарками, все не забыли, одна ты забыла... Значит, опять от тебя Надежде Сергеевне огорчение? Это, наверное, потому, что она тебе

двойки по русскому письменному ставила!

— Неправда! — крикнула Таня. — Я сама виновата, что у меня двойки были...

— Как тебе не стыдно, Галя, так говорить! — вступилась за подругу Клава. — Если бы мы не поели у неё яблоки, она бы смогла их подарить...

— Яблоки не в счёт. Яблоки купить можно, а мы договаривались, чтобы своими руками сделать.

Уговор действительно был таким, но никто из девочек Галю не поддержал.

— Лучше давайте придумаем что-нибудь, — сказала староста.

— А я уже придумала, — сказала Клава. — У Ореховой очень красивый почерк. Пускай она напишет на хорошей бумаге письмо Надежде Сергеевне про наши подарки и про то, как мы все её любим.

— Да ты что, Клава? — перебила её Галя. — Ты что, забыла, как Орехова пишет? Она еле-еле перешла по русскому письменному. Она наделает там столько ошибок, что потом всем стыдно будет.

Девочки посмотрели на Таню. Они боялись, что она обидится и заплачет. Раньше так часто бывало.

Но сейчас Таня не только не обиделась, а даже как будто повеселела.

— Ладно, — сказала она. — Я напишу, а ты потом проверишь. За каждую ошибку я принесу тебе завтра по большому яблоку. Можно мне, девочки, написать письмо?

— Можно! Можно! Пускай пишет! — закричали все сразу, а Галя сказала:

— Боюсь, что у меня завтра живот заболит от яблок.

— Только вы не подсматривайте. Я сама всё напишу, а вы говорите, про что писать и какие подарки.

И хотя письмо получилось очень длинное, Таня отлично справилась со своей задачей. Строчки у неё получились ровными, буквы — чёткими и красивыми. В конце письма она нарисовала цветными карандашами букетики васильков, незабудок, большой красный мак и розу с двумя бутонами.

А начиналось письмо так:

«Дорогая наша Надежда Сергеевна!

Мы, все ученицы третьего класса «А», очень сильно Вас любим. Когда мы узнали, что первого сентября Вам исполнится пятьдесят лет и что Вы уже тридцать лет учите детей, мы придумали подарить Вам хорошие подарки, и чтобы ничего не покупать, а самим всё сделать. А ещё мы решили так хорошо учиться, чтобы Вы никогда из-за нас не огорчились...»

Пока Таня писала, девочки раскладывали на столе, на подоконниках, на передних партах подарки. Тут были и дорожки, и салфетки, вышитые крестом и гладью, аппликации... Девочки, которые были вместе в лагере, привезли в подарок Надежде Сергеевне очень красивый абажур для настольной лампы. Они заклеили между двумя листами бумаги настоящие цветы и листья, а потом из этой бумаги сделали абажур. Если на него днём смотреть, так ничего и не заметишь, а когда загорится лампа, тогда прямо заглядишься.

Только разложили всё, прибежала дежурная.

— Идёт! Идёт! — закричала она на весь класс.

— Как же письмо? — растерялась Галя.

— Положи его на стол, — сказала староста.

Надежда Сергеевна вошла в класс и посмотрела на девочек так, как будто они только вчера расстались с ней. Она поздоровалась с ними на ходу и направилась прямо к своему столу.

— А это что такое? — спросила она, заметив, что её стол занят. — Осенняя выставка рукодельного кружка?

Она сказала девочкам «садитесь», но те продолжали стоять. Наконец учительница заметила письмо, поправила очки и стала читать. Все девочки с волнением следили за каждой морщинкой на её лице. Тане казалось, что лицо Надежды Сергеевны становится всё строже, нахмуреннее.

Но вот учительница прочитала письмо, подняла очки на лоб, достала из карманчика платок и как-то неловко и непривычно поднесла его к глазам.

— Спасибо, девочки, — тихо сказала она. — Была бы я сейчас одна, наверное, всплакнула бы от радости... Особенно мне понравилось ваше письмо. Я верю, что писали вы его от всей души. Оно очень тёплое и сердечное... Кстати, кто его писал? По почерку похоже, что Таня Орехова.

В классе и до этого было тихо, а теперь стало слышно, как тикают часы на руке у Надежды Сергеевны. Таня хотела сказать, что это она писала, но никак не могла разжать губы.

— Простите, Надежда Сергеевна... Мы думали проверить письмо и исправить все ошибки. Но мы не успели, — сказала староста.

— Значит, письмо писала Орехова?

— Я... — прошептала Таня.

— Вот это меня радует больше всего, — медленно, с расстановкой сказала Надежда Сергеевна. — В таком большом письме Таня не сделала ни одной ошибки. Одна только запятая не на месте, но это мы с вами ещё не проходили. Ты что же, Таня, занималась летом?

— Да, Надежда Сергеевна. Каждый день по два часа... С бабушкой занималась...

И вдруг Таня опустила голову и закрыла лицо руками. Все заволновались, а Надежда Сергеевна торопливо подошла к ней.

— Ты чего, девочка? Что случилось?

— Я... я... Простите меня. Надежда Сергеевна, но только я нечаянно забыла про подарок... И вы не думайте, что я вас не люблю. Я сама виновата, что были двойки...

— Ничего не понимаю, — сказала учительница.

— Подарок вам она забыла приготовить, — пояснила староста.

Надежда Сергеевна засмеялась, положила руку на голову Тани и, совсем не учительским тоном, сказала:

— А ты думаешь, что это письмо без

ошибок не подарок для меня? Для каждого нашего учителя это самый дорогой подарок.

Надежда Сергеевна обвела взглядом весь класс, опустила на глаза очки и уже по-деловому, как всегда, добавила:

— Садитесь. Начнём урок.

На перемене Таня достала из портфеля последнее яблоко и протянула его Гале.

— Это за запятую, — сказала она весело.

Все девочки засмеялись, а сама Галя звонче всех.

— Чур, старое не вспоминать! — крикнула она.

ЗДРАВСТВУЙ, ШКОЛА!

ГЕОРГИЙ ЛАДОНЩИКОВ

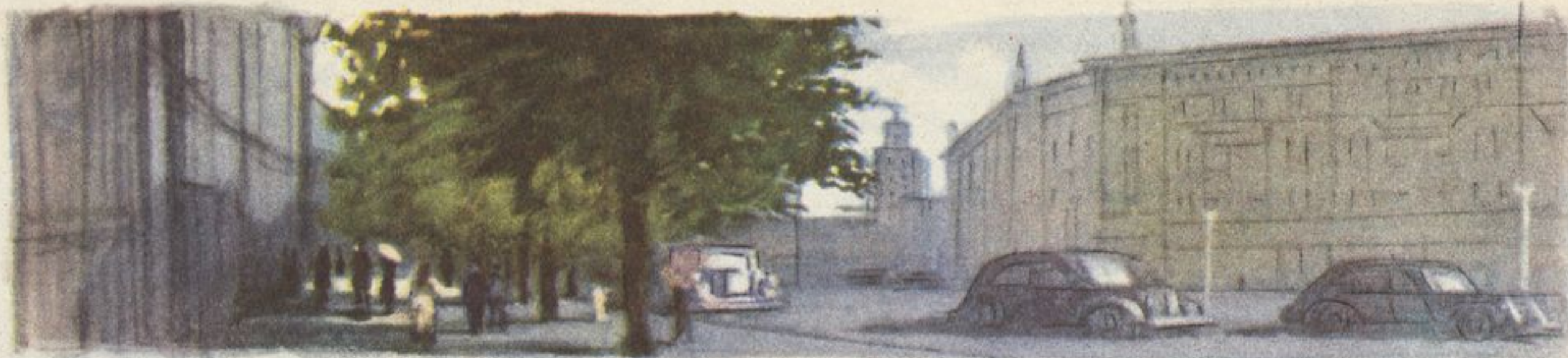
Листья стелются коврами,
Пожелтел колхозный сад.
Журавли под облаками
Уголком на юг летят.

Миша встал сегодня рано.
Долгожданный день настал.
За спиной у Миши ранец,
В ранце книга и пенал.
А в пенале — ручка, герья,
Три цветных карандаша.

Миша думает:
«Теперь я
Не похож на малыша!»

Дед Артём из кузни вышел
На внучёнка посмотреть...
До того приятно Мише,
Даже хочется запеть...

Зазвенел звонок весёлый.
Класс.
Учитель у доски.
Мы пришли впервые в школу.
Мы теперь ученики!

ГЕОРГИЙ ГУЛИА

Рис. Ю. КОРОВИНА

ЗНАМЕНИТЫЕ УЛИЦЫ

В большом и древнем городе Москве немало улиц, которым очень много лет. Но есть и такие улицы, которые возрастом своим Пете и Мите ровесники.

А вы с Петей и Митей знакомы?

Петя и Митя — два друга. Мите семь лет, столько же и Пете. Очень бы им хотелось, чтобы их величали Петром и Дмитрием. Но, разумеется, никто не желает воздавать малышам такой почёт, прежде чем они вырастут и станут людьми хорошими.

Петя живёт на улице, которой все пятьсот лет, а может быть, и больше. А Митиной улице всего-навсего пять без малого.

Два друга, особенно Петя, — большие спорщики. Как заспорят — конца нет их спору.

Вот какой недавно вышел у них спор. Заговорили они о своих улицах: о той, которой пятьсот лет, и о той, которой пять без малого.

— Ты не смотри, — говорит Петя, — что моя улица узенькая, что не ездят по ней большие машины. Моей улице — полтыщи лет, по ней сам Петр Великий ходил!

Митя от волнения глотает слюну и спрашивает:

— А кто сказал, что ей полтыщи?

— Все об этом знают! И папа тоже, — отвечает Петя.

Что делать Мите? Не может же он свою улицу старше сделать! Все помнят, как совсем ещё недавно пришли на пустырь люди с машинами, с подъёмными кранами и катками. Все видели, как рабочие строили дома, улицу укатывали и покрывали её асфальтом. Для детей строители оставили большие дворы между домами. А чтобы летом прохладно было, посадили лип

по обеим сторонам большой и ровной улицы. Открылись на этой улице огромные магазины, зажглись фонари, и Митина улица стала очень красивой, можно сказать, знаменитой во всей Москве.

Всё это известно Пете. Но что ни скажет Митя, Петя — всё поперёк.

— Нет, — говорит Петя, — самая знаменитая улица — моя.

— Она узенькая, — говорит Митя.

— Зато ей полтыщи лет, — говорит Петя.

— Вся в булыжнике она, — говорит Митя.

— К нам на улицу даже художники ходят, — говорит Петя, — и все её рисуют, потому что знаменитая.

Верно, ходили на Петину улицу художники. Однажды Митя сам, собственными глазами, видел, как на складном стуле бородатый человек сидел и на холсте масляными красками писал. Митя не вытерпел и обратился к художнику.

— Дяденька, — сказал он, — а на мою улицу вы придёте?

— На твою? — спросил художник. — А где она, твоя улица-то?

— Рядышком совсем и совсем новая, — ответил Митя.

Художник — ни слова, а только головой помотал.

Петя обрадовался тому, как художник головой помотал, а Митя, напротив, опечалился: обидно ему за свою улицу, где так много света и воздуха, зелени и высоких домов...

Но как-то ранней весенней порою явились люди на древнюю Петину улицу. А следом за ними пришли большущие дорожные машины. Не успел Петя, что называется, и глазом моргнуть, как вся ули-

ца была разворочена. А месяца три спустя выросли на ней большие дома, а вместо булыжной мостовой появился гладкий асфальт. А из лесу перекочевали сюда липы, и зажглись над липами высокие фонари.

Маленький дом, в котором жил Петя, снесли. Петя с мамой и папой переехали в новый, прямо на пятый этаж. Очень понравилась Пете новая улица, и не жаль было ему прежней — булыжной и узкой.

Казалось бы, нечего теперь и перечить Мите и споры об улицах с ним заводить. Но недаром Петя слыл заядлым спорщиком. Вот он и говорит:

— Где твоей улице с моей равняться! Моей улице, — говорит, — и лет полтыщи и красивая очень.

Петина улица на самом деле красавицей стала.

«Теперь и Митя согласен, — думает про себя Петя, — что улица моя знаменитая во всей Москве».

— А ещё, — говорит Петя, — на моём этаже инженер один живёт. Он самолёты строит, и только быстролётные!

Митя вовсе не растерялся. У него тоже было чем похвастать. Недалеко, в угловом доме, поселился токарь, известный на всю страну. Митя сам токаря видел и даже с его маленьким сыном познакомился.

И с этого самого дня мальчики заспорили пуще прежнего: дескать, чья улица име-

нитыми людьми богаче, та и есть наизнаменитая.

Петя говорит:

— На моей улице живут академик и вратарь футбольной команды.

А Митя говорит:

— На моей — чемпион-конькобежец и оперный певец.

Петя почёсывает лоб, своих соседей припоминает.

— Певец, — говорит Митя, — на всю страну поёт. Все его слушают, и все его знают.

Всё спорили да спорили Петя и Митя, а решить, чья улица знаменитей, так и не могли.

А я бы этот вопрос разрешил вот как: моя улица знаменитей.

И я тоже буду прав. Вы бы только посмотрели, какая она, моя-то улица!

На ней тоже дома всё новые и большие, на ней тоже именитые люди живут.

Впрочем, каждый из вас будет прав, если скажет:

— И моя улица не хуже! И моя знаменитая!

В самом деле, мало ли в Москве больших и красивых улиц, мало ли на каждой из них именитых людей! Люди их строят, людьми же они и знамениты.

Я думаю, что Петя и Митя сойдутся на этом и больше спорить об улицах не будут.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

ДЕНЬ ШКОЛ

С добрым утром!
Начат день!
Первым делом гоним лень!
Утром надо не зевать,
А проснуться и вставать!

Вот коса заплетена,
А за ней ещё одна.
Съеден завтрак не спеша,
Взяты два карандаша.
Сделан шаг через порог,
И — скорее на урок!

На уроке, на уроке
Не трещим мы, как сороки,

Во дворе идёшь
Отдыхает день

Наступил вечер
Надо выучить

День прошёл
Пора в кроватку
Завтра рано

ЛЬНИЦЫ

Мы сидим — читаем, пишем,
Всё запомним, что услышим.

Дома ждут. Готов обед.
За столом капризов нет!

ёт игра —
етвора!
ечерний час.
ть рассказ.
л.
ать!
всем вставать!

Я. ТАЙЦ

Рис. П. КИРПИЧЁВА

САМОЕ ВАЖНОЕ

„ДОРОГАЯ МОСКВА“

В Москву пришло письмо с диковинным адресом. На конверте стояло одно коротенькое слово: «Москва».

Оно попало на Главный почтамт, в отдел доставки. Заведующий отделом долго разглядывал его.

Немало всяких адресов повидал он на своём веку. Зимой, например, пришло письмо с адресом: «Москва, Главному Деду Морозу». Его отнесли в Колонный зал, где проводилась «Главная ёлка Советского Союза».

Недавно пришло письмо с адресом: «Мальчику Пете 12 лет, который был в Артеке и живёт у Красных Ворот, над булочной». Письмоносцы долго искали Петю и всё-таки нашли!

Но такого письма, с одним только словом «Москва», заведующий ещё не видал. Он вертел конверт и так и сяк, посмотрел на просвет, потом показал его письмоносцам.

Один сказал:

— Похоже, тушью написано. И видать, кисточкой...

— Вскрыть его, что ли? — сказал другой.

— Придётся! — решил заведующий.

Он составил акт, что «такого-то числа вскрыто такое-то почтовое отправление», взял острые длинные ножницы и ловко отхватил узенькую каёмку. Потом вынул из конверта желтоватый листок бумаги, развернул его, посмотрел, надел очки, снова посмотрел и... развёл руками:

— Всё равно ничего не поймёшь!

Бумага была покрыта крупными чёрными иероглифами. Кто-то нанёс их кисточкой не очень уверенной рукой.

— Задача! — нахмурился заведующий. — Не то по-корейски, не то по-китайски...

— Товарищ заведующий, — сказал самый старый из письмоносцев, — я тут ношу почту одному китайцу, покажу ему, может, он разберёт.

— Ладно, — сказал заведующий, — действуйте!

Письмоносец унёс письмо, а вечером вернулся с переводом:

«Дорогая прेमноголюбимая Москва! Мы, ученики первой школы китайского города Муданьцзяна, мечтаем изучать русский язык, но учить нас некому. Дорогая любимая Москва, очень просим, если можно, прислать учителя. Низко кланяемся дорогой Москве. От имени учеников Гао Си-сян».

— Та-ак, — протянул заведующий, — это насчёт учителей. Значит, надо в министерство!

Он взял перо и на синем конверте под словом «Москва» крупно написал:

«Министерство просвещения РСФСР».

„ДЕВУШКА СПАСИБО“

В министерстве прочитали письмо и послали запрос в китайский город Муданьцзян, только уже не детям, а директору.

Через месяц пришёл ответ:—да, наши дети очень хотят изучать русский язык, но, к сожалению, учить их некому.

Тогда министерство обратилось к учителям:

«Кто хочет поехать?»

Сотни учителей отвечали:

«Мы хотим!»

Но надо было только одного. И выбор пал на молоденькую учительницу, которая только что окончила институт. Её все называли ещё просто Наташей.

Наташа волновалась:

— А справлюсь ли я? Не провалюсь ли? Полюбят ли меня ребята?

Её успокаивали:

— Справишься! Не провалишься! Полюбят!

И вот она накупила полный чемодан книг, букварей, словарей, учебников и отправилась в дальнюю дорогу.

Поезд шёл много дней и ночей. В вагоне Наташа всё время то учила по словарю китайские слова, то перелистывала букварь и думала:

«С чего начать? Начну с самого простого, самого понятного. Со звука «а». Потом — «у»... Потом «ау»... Потом «уа»...»

За окнами то вздымались горы, то проносились огромные города, то блестела река, то пробегали поросшие лесом сопки...

Наконец поезд подошёл к арке с надписью:

«СССР — КИТАЙ».

Наташа не отрывалась от окна. Сначала тянулись всё те же сопки. Но вот поезд подошёл к станции Маньчжурия, и Наташа увидела, что здесь всё по-другому. По-другому устроены дома — уголки крыш приподняты, словно поля шляпы. По-другому выглядят вывески — они тя-

нутся сверху вниз, точно полотенца, и покрыты иероглифами... Люди одеты в тёмносиние костюмы. Многие по-военному — в зелёном. Все едят палочками. При чтении все кивают головами, потому что строки тянутся сверху вниз, как и вывески...

Всё это было очень непривычно. Но Наташа забывала, что она на чужбине. Все и в вагоне и на станциях, как только узнавали, что она из СССР, улыбались ей и старались помочь. Кто приносил чаю, кто — еды, кто помогал доставать чемодан, кто помогал убирать постель.

Наташе только оставалось всё время говорить:

— Спасибо! Спасибо!

И многие китайцы в вагоне прозвали её между собой «Девушка Спасибо».

ВСТРЕЧА

Наконец поезд затормозил, и все в вагоне стали говорить:

— Муданьцзян! Муданьцзян!

Проводник подошёл к Наташе и тоже сказал:

— Муданьцзян!

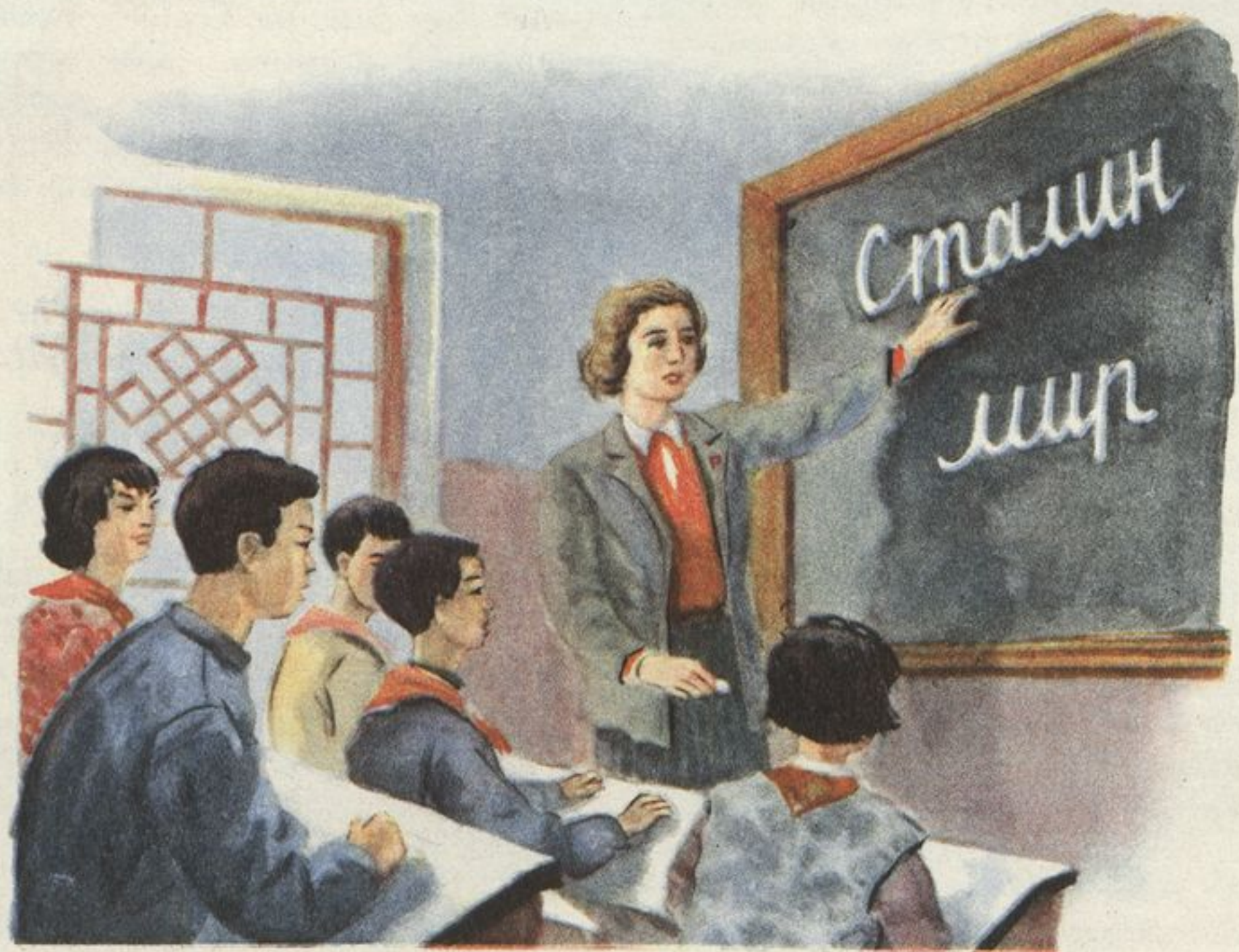
Все беспокоились, как бы Наташа не прозевала свою станцию. Кто-то подхватил её чемодан, кто-то помог ей сойти со ступенек, кто-то долго жал ей руку...

И вот Наташа на платформе. Рядом — чемодан. Она с жадностью вдыхает свежий воздух.

Она оглядывается. Неподалёку стоит группа ребят. Они пристально смотрят уз-

недавно эти ребята не учились, а работали: кто дробил камень, кто возил уголь, кто копал землю. Только после победы Народной армии они смогли поступить в школу.

А ребята уже подхватили её чемодан и, весело переговариваясь, повели новую учительницу по городу. Наташа оглядывалась. Повсюду торчали высокие трубы, вроде фабричных. Много было развалин.

кими чёрными глазами на Наташу, но подойти, видно, не решаются.

Тогда она достала из портфеля письмо с иероглифами и показала его ребятам.

Они пригляделись, обрадовались, вскрикнули от восторга и окружили Наташу. Она поняла: это её будущие ученики. Один скуластый паренёк тыкал себя пальцем в грудь и показывал на письмо. И Наташа догадалась: это он выводил иероглифы, это его зовут Гао Си-сян.

— Понимаю, понимаю! — говорила она и кивала головой.

Ей было приятно, что ребята вышли её встречать. Но какие они большие! Не то, что московские школьники. Ведь им лет по семнадцать-восемнадцать!.. Ведь это же почти её ровесники!

Только потом Наташа узнала, что ещё

Много старинных китайских домов, много и новых. Вот и школа. На крыльце Наташу встретила сама директор школы — маленькая, худенькая женщина Лу Цинь.

Она крепко сжимала Наташины руки и улыбалась, блестя белыми зубами. Потом она повела Наташу в просторную комнату. Там были циновки, ковры, пёстрые подушки, тёплая лежанка.

Две девочки принесли Наташе умыться. Потом другие две девочки принесли блюдо, наполненное рисом, и палочки.

Наташа пробовала есть палочками, но всё время роняла на циновки и палочки и рис. Девочки смеялись и показывали учительнице, как надо держать эти палочки — к у а й-ц з ы.

А потом Наташа сладко заснула на тёплой каменной лежанке, которая называется к а н.

ПЕРВЫЙ УРОК

Назавтра Наташа знакоилась со школой и с городом, а через день директор повела её в класс, на первый урок.

Они вошли. В классе было много учеников, человек пятьдесят. Каждый — за отдельной партой. Все встали и поклонились. Наташа поклонилась им в ответ.

Потом директор сказала несколько слов. Все заулыбались, все весело смотрели на новую учительницу, на её румяное круглое лицо, серые глаза и светлые волосы... А Наташа видела пятьдесят пар чёрных блестящих глаз.

«Но какие большие ребята! — снова подумала Наташа. — Ведь с ними не станешь распевать «ау» и «уа»... Им это будет неинтересно. Но с чего же начать?»

Директор вышла. Наташа оглянулась. На стене висела обычная классная доска, а над ней два портрета — товарища Сталина и Мао Цзе-дуна.

Наташа почувствовала себя уверенней. Твёрдым шагом подошла она к доске, взяла мелок и крупно вывела:

«Сталин».

Потом вслух громко прочитала:

— Сталин.

И все ученики радостно, дружно, как один человек, подхватили:

— Сталин!

Тогда Наташа написала на доске ещё одно коротенькое слово и прочитала его:

— Мир.

И весь класс дружно откликнулся:

— Мир!

И все стали хором повторять вслед за учительницей:

— Сталин — мир... Сталин — мир...

И Наташа успокоилась. Она нашла самое важное, самое понятное, самое ясное:

— Сталин — мир.

Так начался урок.

В НОВОМ ДОМЕ

То не жаворонок звонко
Распевает в синеве, —
Это девочка Алёнка
Просыпается в Москве.

В новом доме-великане,
Высоко живёт она, —
Вся Москва под солнцем ранним
Из окошка ей видна.

Всех теперь Алёнка выше,
Дом их — целая гора,
Это ведь у них на крыше
Тучку видели вчера.

Тучка землю поливала,
Напоила всё кругом
И, устав, заночевала
У Алёнки под окном.

Встала девочка с кровати,
Глядь — а тучка уплыла.
Всюду надо побывать ей,
Всюду ждут её дела.

У Алёнки тоже дело, —
Не отходит от окна,
Мост Чугунный разглядела,
Кремль увидела она...

Вот Никитские Ворота,
Там стоит их старый дом,
Как в окошко самолёта,
Вся Москва видна кругом.

З. АЛЕКСАНДРОВА

ДРАГО СИЛИЧИ

Рис. И. АРХАНГЕЛЬСКОЙ

ДОРОГА В ШКОЛУ

Мы в школу радостно идём —
Я, Вера и Агим.
Шагаем весело втроём,
Поём
И говорим.

Встречаемся у родника
С тетрадями в руках.
Плывут над нами облака.
Струится ленточкой река
В зелёных берегах.

Дремучий лес,
Могучий лес
Встречаем на пути.
Под сводом листьев и небес
Нам хорошо итти.

Идём под ветками берёз,
Акаций, клёнов, ив...
Зелёный лес многоголос,
Шумлив
И говорлив.

Звенят пернатых голоса,
Звенят на все лады;
Сверкают в листьях небеса,
Как синие цветы.

С зелёных прыгая ветвей,
В определённый
Час
Неугомонный
Воробей
Всегда встречает нас.

Нам говорит он: «Молодцы!
Хвалили вас не зря скворцы —
Вы домик сделали для них!
Чирик, чирик, чирик...»

Когда проходим лес, к реке
Лугами мы идём.
Вот наша школа вдалеке —
Просторный, светлый дом.

Шумят у школы тополя,
Листвой кивая нам.
Лежат за школою поля,
Кипит работа там.

То наши трудятся отцы,
Чтоб в школу мы могли итти,
Чтоб наша родина цвела,
Чтоб краше родина была!

Перевёл с албанского Л. Глазков

СКАЗКИ

Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальный,
И в хрустальном гробе том
Спит царевна вечным сном.
И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.

Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумлёнными глазами,
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
«Как же долго я спала!»

*Из „Сказки о мёртвой царевне
и о семи богатырях“.*

ПУШКИНА

Старичок к старухе воротился.
Что ж? пред ним царские палаты,
В палатах видит свою старуху.
За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне,
Наливают ей заморские вины;
Заедает она пряником печатным;
Вкруг её стоит грозная стража,

На плечах топорики держат.
Как увидел старик, испугался;
В ноги он старухе поклонился,
Молвил: «Здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна».
На него старуха не взглянула.
Лишь с очей прогнать его велела.

Из „Сказки о рыбаке и рыбке“

МИХ. ПРИШВИН

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

ЖУЛЬКА

ОХОТА ЗА БАБОЧКОЙ

Жулька, моя молодая мраморно-голубая охотничья собака, носится как угорелая за птичками, за бабочками, даже за крупными мухами до тех пор, пока горячее дыхание не выбросит из её пасти язык. Но и это не останавливает её.

Вот нынче была с ней у всех на виду такая история. Жёлтая бабочка капустница привлекла её внимание, она бросилась за ней, подпрыгнула и промахнулась. Бабочка замотыляла дальше, Жулька за ней — хап! Бабочке хоть бы что: летит, мотыляет, как будто смеётся.

Хап! — мимо. Хап-хап! — мимо и мимо! Хап, хап, хап! — и бабочки в воздухе нет. Где наша бабочка?

Среди детей началось волнение. «Ах, ах!» — только и слышалось. Бабочки нет в воздухе, капустница исчезла, сама Жулька стоит неподвижная, как восковая, поворачивая голову то вверх, то вниз, то вбок.

— Где наша бабочка?

В это время горячие пары стали нажимать внутрь Жулькиной пасти — у собак ведь нет потовых желёз. Пасть открылась, язык вывалился, пар вырвался, и вместе с паром вылетела бабочка и, как будто ничего с нею не было, замотыляла себе над лугом.

До того измаялась с этой бабочкой Жулька, до того, наверно, ей трудно было сдерживать дыхание с бабочкой во рту, что теперь, увидав бабочку, вдруг сдалась. Вывалив язык, длинный, розовый, она стояла и глядела на летящую бабочку глазами, ставшими сразу и маленькими и глупыми.

Дети приставали к нам с вопросом:

— Ну почему это нет у собак потовых желёз?

Мы не знали, что им сказать.

Школьник Вася Весёлкин им ответил:

— Если бы у собак были железы и не надо было бы им хапать, так они бы давно уже всех бабочек переловили и скушали.

ГЕОГРАФ

Представьте себе огромное окно огромного московского дома, где зимой мы живём. Под окном радиатор, а до половины радиатора возвышается с полу сундучок, на сундучке на задних лапах Жулька стоит. Передние свои лапы она положила на подоконник, а носом своим мокрым водит по стеклу.

Знаете утреннюю Москву, когда внизу скребут, изредка переговариваясь, дворники, а наверху галки проснулись и тыся-

чами, все перекликаясь, весело здороваясь друг с другом, летают вперёд и назад, завёртывают с шумом, исчезают сразу все и вдруг все опять сразу появляются.

Вот Жулька и следит за ними, и носом ведёт по стеклу, и мокрый след на стекле тут же застывает, и карта, настоящая географическая карта выходит: вот узнал — это Камчатка, вот Скандинавский полуостров, вот Австралия...

Галки летят — Жулька пишет: куда галка — туда нос.

КАДО

Последний рассказ будет не о Жульке, а о моем большом гладкошёрстном пойнтере Кадо. Это очень добрый, ленивый и толстый пёс, и если не охотится, то спит где-нибудь на полу в солнечном пятне.

Этим летом спать Кадо мешали комары — у Кадо такая короткая шерсть, что от укусов не защищает. То и дело слышим: огромный Кадо лязгает зубами на

комаров. Мало пришлось поспать этим летом Кадо!

Но вот деньки стали короче, лето пошло на убыль, комары исчезли.

Кадо вышел на крыльцо, огляделся, его широкая рыжая морда выражала полное довольство, и по ней мы прочли:

«Кажется, больше не будут кусать: за лето я всю эту дрянь начисто переловил».

На обложке рисунок А. В. Гохберг

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, Е. МАРТЬЯНОВА, С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Художественный редактор Н. Попов

Рукописи не возвращаются

Технич. редактор З. Тышневич

Год издания двадцать седьмой

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Суцёвская ул., 21.
2,8 уч.-изд. л.

Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06.

Подписано к печати 10/VIII 1951 г.

А07216

Бумага 60×92¹/₂—1,5 бум. л.—3 печ. л.

Тираж 250 000 экз.

Заказ 1580

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, Суцёвская, 21.

90 16

